

REVIEW OF THE Y.A. ZELENEEV'S MONOGRAPH *ESSAYS ON THE ETHNOCULTURAL HISTORY OF THE VOLGA REGION IN THE 13TH THROUGH 15TH CENTURIES* (EDITOR-IN-CHIEF V. A. IVANOV, DOCTOR OF HISTORY, PROFESSOR, YOSHKAR-OLA: MARI STATE UNIVERSITY, 2013. 326 P.)

Fayaz Sharipovich Khuzin,

the Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences,
Entrance 5, Kremlin, 420015, Kazan, Russia,
khuzinfayaz@mail.ru

The reviewed monograph by the outstanding Russian archeologist Y.A. Zeleneev explores the material culture of the settled (both urban and rural) and nomadic population of the Volga region which is viewed in terms of the ethnopolitical processes taking place in a new environment of the Golden Horde. In the author's opinion they were Volga Bulgars with their rich towns, highly developed economic and cultural centres, pagan Finno-Ugric tribes, whose economic life was based on primitive agriculture and fisheries, nomadic cattlemen Dasht-i-Kipchak as well as part of the Russian Orthodox whose traces are found in almost all urban areas of the Golden Horde, who took part in the complicated process of "syncretic imperial culture" development and emergence of a new "ethnic appearance" of the Mongol-Tatar state.

The reviewer highly appreciates Y.A. Zeleneev's research on the archeology of the Golden Horde and regards his new monograph a major contribution to the studies of topical issues related to the development of the ethnicity of the Volga region peoples and the role played by the state of Juchids.

Key words: the Golden Horde, the Lower Volga towns and the nomadic steppe, settled population of the Middle Volga, interaction of cultures, ethno-cultural processes.

An enormous amount of research is devoted to the history of the Golden Horde "Ulus Jochi", known in official records as the state established by Chingisiin Mongols. Since the 19th century, the conquests of the Mongol Empire and the Golden Horde that were established in the mid-13th and the second half of the 13th century on the vast lands of Europe and Asia, have been of great interest to historians. Researchers have made various, sometimes contrary, assessments of the Mongol-Tatar invasions and their consequences, but in general, these works do not contain any negative evaluation of the largest state of the Middle Ages. Even such classics of Russian historical science as N.M. Karamzin, S.M. Solovyov, and V.O. Klyuchevsky, not to mention representatives of the "School of Eurasianism", were very cautious about making conclusions concerning negative and positive impacts of the Mongolian protectorate on Russia's historical destiny.

In Soviet historical science, science that created a mythologized history of the USSR and its peoples, the Golden Horde was considered a purely negative phenomenon in the history of the people of Eastern Europe. The Golden Horde was named "a parasitic and rapacious state", which existed only "by plundering conquered peoples" and ham-

pering "the progress of hard-working and freedom-loving Russian people" (Izmailov, 1996, p. 99). "As a result of the Mongol-Tatar invasion, Russia was thrown two centuries back in its development", a unanimous declaration maintained in virtually all school and university textbooks. Even under the totalitarian regime of the Soviet system, however, major scientific studies appeared, which have not lost their significance even today (for example, the works by M.G. Safargaliev, G.A. Fedorov-Davydov, M.A. Usmanov, A.G. Mukhamadiev).

Perestroika, which began in the middle of the 1980s, was characterized by glasnost and democracy in post-Soviet society, which led to a new stage in the historiography of the Ulus Jochi. The revival of interest in studying different aspects of Golden Horde history was explained not only by the availability of new sources of information on a number of open questions, which is important, but the development of new methodological approaches towards their study, opening ample possibilities for creative thought in research. During the last twenty years, major international and all-Russian conferences on the topic of the Golden Horde have been held, numerous monographs and hundreds of articles on history, archaeology and the numismatics of the Ulus Jochi have appeared.

Researchers have begun using such earlier forbidden historical terms as “Turkic-Tatar civilization” and “the civilization of the Golden Horde”, which objectively reflect the essence of the phenomenon of medieval Mongol-Tatar statehood.

The monograph under review belongs to Yuri A.Zeleneev, the famous Russian scholar and author of more than 200 scientific works, including monographs and teaching aids on Golden Horde archeology. In recent years, Zeleneev supervised a large-scale study of many medieval monuments in Mari El, Mordovia, Chuvashia, Tatarstan, and also in the regions of Ryazan, Nizhny Novgorod, Ulyanovsk, Penza, Samara, Saratov, Volgograd, and Astrakhan. His fieldwork, aimed to study the capitals of the Golden Horde in the Lower Volga region, is of special importance. Substantial factual materials found during these excavations formed the basis of the book by Y.A.Zeleneev, who considered a wide spectrum of issues concerning the Golden Horde material culture and the medieval history of the people of the Volga region. The book focuses on global changes in the ethnopolitical map of the vast regions, especially the Middle and Lower Volga regions of the 13th-15th centuries, included into the structure and sphere of direct Ulus Jochi influence.

This book presents itself as a logically integral work in its structure, content and design. It includes not only an introduction, conclusion and appendix with color illustrations, but also four chapters in which the material cultures of city and village dwellers are considered in terms of ethnopolitical processes associated with the emergence and functioning of the Golden Horde. The empire of Chingisids united many peoples with in the region under study: the Muslims of Volga Bulgaria with their rich towns and highly developed economic and cultural centres; Finno-Ugric pagan tribes, whose economy was based on primitive agriculture and trades; nomadic cattle-breeders of Dasht-i-Kipchak, and also groups of orthodox Russian people, who participated to a certain extent in the difficult processes of forming a “syncretic imperial culture” and the new “ethnic face” of the Mongol-Tatar state.

The first chapter analyzes historical sources, which include archaeological, anthropological and numismatic research materials, data on epigraphy, cartography, the information from Russian chronicles, Arabic, Persian, and West European authors (p.7-28), as well as a review of the historiography of the topic (p. 29-50). The archeological portion regarding historical sources is a detailed story

about the research of Golden Horde monuments of the Volga region. The complete historiography of the Golden Horde, including research of Russian and foreign scholars from the 18th century to the present, has not been written yet. Y.A.Zeleneev analyses these works within the scope of his subject matter only. We agree with the author on the high evaluation of the work by A.P.Smirnov and his follower G.A.Fedorov-Davydov covering the ethno-political situation in the region during pre-Mongol and the Golden Horde times. He emphasized that “from the end of 20th to the beginning of the 21st centuries, the centre of Golden Horde study has moved to Kazan” (p. 45), where the Mardjani Institute of History of the Academy of Sciences of Tatarstan acts as an academic institution coordinating the work of the Russian scholars in the field of the Golden Horde history, archaeology and numismatics.

Regular (biannual) all-Russian and international scientific conferences, and collections of scientific publications “The Civilization of the Golden Horde” (5 issues), “The Heritage of the Golden Horde” (2 issues), and “Medieval Turkic-Tatar States” (3 issues) are a testament to this fact. Some questions and areas of debate come up in the concluding paragraphs of the chapter, part of them researched by the author of the work under review.

Chapter 2 of the monograph explores the ethnocultural characteristics of one Golden Horde city (p. 51-128). Given that in the 13th-15th centuries, the state of the Juchids underwent certain changes provoked by the Mongolian invasion, along with other “inertial changes, i.e., those that began in the pre-Mongolian period and continued under new conditions”, the author is quite logical in suggesting analysis of Volga region cities from the 12th to the first third of the 13th centuries.

It should be noted that until recently, the main lands of the Ulus Jochi in the Lower Volga region, the territory of Deshti-Kipchak, were described as almost undeveloped by a settled population. Recent explorations and excavations, including the work of Kazan archaeologists, revealed that this assertion was erroneous. These pre-Mongolian materials prove that the settled way of life of a certain part of the population was also found in the territories of Astrakhan, Volgograd and other places. The most striking example, however, is the Samosdelka settlement in the Astrakhan region, of whom a significant part of the population were Bulgars, according to findings from the layers of the 19th through the beginning of the 13th centuries. Y.A.Zeleneev rightly asserts that the “Samosdelka

settlement is a unique historical monument, being evidence of urban culture continuity from the 8th to the 14th centuries” (p. 53). This paragraph also considers the cities of Volga Bulgaria alongside their agricultural districts, part of which existed as far back as the Golden Horde period.

Further on, the author considers the urban architectural traditions and principles of planning a Golden Horde city. Two types of cities are identified in the settled agricultural areas of the Middle Volga region: old pre-Mongolian (Bulgar, Bilyar, Juketau, etc.) towns and new ones, created according to Mongolian urban development traditions (Mokhsha in Mordovia). The towns of the Lower Volga region appear mostly in empty spaces, built according to the traditions of the Central Asian culture of ancient Uigurs, Kitans, Mongols (compare, for example, the first Mongol capital of Karakoram and the capital cities of the Golden Horde, Saray and Saray-al-Jadid). Thereby, “the town building traditions of the Lower Volga region have Mongolian roots” (p. 61, 79).

The architectural traditions and the features of material culture of the Golden Horde were further identified through analysis of common dwellings similar to dugouts, estates in the prosperous inhabited areas, public bathhouses, religious (mosques, madrasahs) and memorial buildings (mausoleums). According to the well-reasoned opinion of Y.A.Zeleneev, the peculiarity of these memorials was determined not only by geographical conditions in the region, but also by borrowing from Central Asia regions (Khorezm in particular), Ciscaucasia, and the countries of the Middle East (p. 88, 91, 95 and further.). It is interesting to note that according to anthropological facts regarding “the considerable per cent age of Selitrennoye settlement (Saray city – F.Kh.) the population were immigrants from Central Asia, who, obviously, predetermined the prevalence of the Central Asian traditions in the architecture of the city” (p. 101). The author corroborates this conclusion with analysis of material culture objects that demonstrate the influence of immigrants from Transcaucasia, Iran, Central Asia, the Byzantine Empire and other regions on the development of a number of crafts.

The chapter conclusion, where Y.A.Zeleneev singles out the regional peculiarities of the Golden Horde cities in the Volga Region and describes the ethnic structure of their population, is noteworthy. As historical sources have put it, “Golden Horde cities appeared and developed as multi-ethnic formations” (p. 120). The highest social group in-

cluded Mongols, who had nearly lost their ethnocultural character by the mid- 14th century. A considerable part of Kipchaks also became city dwellers. It was possible to meet immigrants from Eastern countries among the townspeople. Essential contribution to the development of the Golden Horde was made by the Muslim-Volga Bulgar population, whereas the impact of Russian and Finnish peoples’ on the Middle Volga culture was hardly noticeable. The principle conclusion of the author concerns the development of the Golden Horde society with settled culture in 1320’s, “with prevailing elements of the culture of the local pre-Mongolian Volga region population” (p. 127).

Chapter 3, “Ethno-cultural features of nomadic people of the Golden Horde Volga region” explores the lives of Turkic nomads who began to arrive on the steppes of Eastern Europe in the mid-1st AD, if not earlier. They were the Huns, Pechenegs, Ghuzz/Torks, Kipchaks/Cumans. Kipchaks and Cumans were the main population of Eastern Europe steppe regions before the Mongolian invasions. The author disproves the preposterous idea of complete extermination of Kipchaks by Mongolian conquerors, sharing G.A.Fedorov-Davydov’s opinion that only part of the nobility was destroyed. A thorough analysis of the sepulchral rites of nomads allowed the author to trace the process of the spread of Islam, which was quite intense under the rule of Khan Uzbek (p. 134).

Later, the author studies the interrelationships between nomads and the settled population of the Golden Horde in the Volga region and the process of settlement for the nomads, i.e., their transition to a settled way of life. Having noted that the statement about urban culture being disconnected from the nomadic one is highly debatable, the author gives a range of evidence of the trade barter system that existed between town and steppe and the penetration of elements of nomadic culture into urban culture. Zeleneev’s statement about the transformation of nomad art into “one of the components of syncretic urban culture” sounds convincing (p. 147). Touching upon the problems of settlement, the author mentions the inadequate informational potential of historical sources and suggests that the transition of the nomads to a settled lifestyle should have happened along with their participation in building towns, guarding caravanserais, and serving post offices, etc. It is significant that even as citizens they preferred to live in yurts, which gave the city the usual appearance of the steppe (p. 165).

Chapter 4, "The ethno-cultural history of the settled population of the Volga region in the 13th-15th centuries" analyzes the ethno-political situation of the middle Volga region during the pre-Mongolian period. This chapter is interesting reading and leaves a good impression, however, it is excessive in volume (p. 168-200) and contains information that does not correlate to the subject matter of the monograph. Further on, the chapter describes the settled peoples of the Lower Volga, the Volga Bulgars, the Mordvins and other peoples of the forest-steppe Volga region in the 13th-15th centuries, and contains original information based on materials from the archaeological excavations of urban and rural settlements, burial grounds and written documents. According to observation by Y.A.Zeleneev, the ethno-cultural colouring of non-urban settlements changes as it goes farther a way from urban cores: "Central Asian, Caucasian and Iranian components give way to Finno-Ugric, Bulgarian and Russian ones. At the same time, there exists a single layer of material culture that is common for the whole population of the Golden Horde" (p. 219).

The Russian settlements, which are adjacent to orthodox burial grounds of the 14th-15th centuries, excavated in the Saratov Volga region, are of great interest. The reasons for their presence in a foreign ethnic environment, however, remain unclarified. The author's positive assessment of innovations in the social sphere and economy of the Volga Bulgaria after the Mongolian invasions does not correlate with the statistics of losses: "the number of archaeological monuments in the territory of Volga Bulgaria during the Golden Horde period is three times fewer compared to the previous period" (p. 223). The conclusion Y.A.Zeleneev makes about Bulgarian Ulus retaining its peculiarity and its cit-

ies, becoming the "successors" of pre-Mongolian tradition (p. 233) is based on reliable archaeological sources. According to his point of view, it was the ethno-cultural basis of the old Middle Volga political centre that furthered its isolation and the formation of a new state on those lands (p. 237).

Y.A.Zeleneev does not see any catastrophic consequences of the Mongolian invasions in the ethno-cultural processes of the Mordvins – they experienced a demographic outburst during the period of Golden Horde rule. As a result, they developed new lands in the Middle and Lower Volga region (p. 244), however, expansion of the Mordvins to lands in former Volga Bulgaria and to other territories could have other reasons, unrelated to an increase of population. Information about burials, made according to Muslim ritual, on Starosotensky and Atkarsk burial grounds (p.254), is of great interest, although in general, "the consolidation of Islam in the Golden Horde was not a reason for the forced Islamization of the Finno-Ugric people" (p. 269). Judging by the materials of the monograph, the lands of the ancient Mari, Chuvash, and Udmurts, who were under the influence of the Volga Bulgarians, simultaneously experienced appreciable influence of the Slav-Russian population, which continued moving in the south-eastward direction.

This monograph, written by Y.A.Zeleneev, is a major contribution to research on topical issues related to the ethnical bases of the contemporary peoples of the Volga region and the role of the Juchids' state in this processes. All information on the topic was analyzed and summarized in a professional way. The monograph contains a few debatable statements and some issues require more in-depth research involving new sources, which might be of interest for other researchers.

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Ю.А.ЗЕЛЕНЕЕВА «ОЧЕРКИ
ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ XIII-XV ВВ.»
(ОТВ. РЕД. Д.И.Н. ПРОФ. В.А.ИВАНОВ. – ЙОШКАР-ОЛА:
МАРИЙСКИЙ ГОС. УН-Т, 2013. – 326 С., ИЛ.)**

Фаяз Шарипович Хузин,

Институт истории Академии наук Татарстана,
Россия, 420015, Казань, Кремль, подъезд 5,
khuzinfayaz@mail.ru

В рецензируемой монографии известного российского археолога Ю.А.Зеленева материальная культура оседлого (городского и сельского) и кочевого населения Поволжья рассматривается с точки зрения этнополитических процессов, происходивших в условиях новой реальности, связанной с появлением и функционированием Золотой Орды. По мнению автора монографии, в сложных процессах формирования «синкретической имперской культуры» и нового «этнического лица» монголо-татарского государства активное участие приняли волжские булгары с их богатыми городами – высокоразвитыми экономическими и культурными центрами, финно-угорские языческие племена, хозяйственная жизнь которых была основана на примитивном земледелии и промыслах, кочевые скотоводы Дешт-и-Кыпчака, а также часть православных русских, следы проживания которых обнаруживаются практически во всех городских поселениях Золотой Орды.

Автор рецензии дает высокую оценку исследованиям Ю.А.Зеленева в области золотоордынской археологии и считает его новую монографию весомым вкладом в изучение актуальных проблем, связанных с формированием этнических основ современных народов Поволжья и ролью в этих процессах государства Джучидов.

Ключевые слова: Золотая Орда, города Нижнего Поволжья и кочевая степь, оседлое население Среднего Поволжья, взаимодействие культур, этнокультурные процессы.

Истории Золотой Орды, или Улуса Джучи, как именовали созданное монголами-чингизидами государство в официальных документах, посвящено огромное количество исследований. В отечественной и зарубежной историографии завоевательные походы Монгольской империи и Золотая Орда, образовавшаяся в середине и второй половине XIII столетия на огромных просторах Европы и Азии, стали предметом внимания историков начиная с XIX в. Исследователи давали различные, порою диаметрально противоположные оценки монголо-татарским завоеваниям и их последствиям, но в целом в их трудах отсутствовала однозначно негативная оценка этого крупнейшего государства средневековья. Даже такие классики русской исторической науки, как Н.М.Карамзин, С.М.Соловьев и В.О.Ключевский, не говоря уже о представителях «школы евразийства», были в своих выводах осторожными и, опираясь на факты, отмечали, наряду с отрицательными, и положительные моменты периода монгольского протектората над Русью для исторических судеб страны.

В советской исторической науке, создавшей мифологизированную историю СССР и населявших ее народов, Золотую Орду рассматривали как сугубо отрицательное явление в истории на-

родов Восточной Европы, «паразитическое и хищническое государство», которое существовало лишь «за счет ограбления покоренных народов», замедляя «прогрессивное развитие трудолюбивого и свободолюбивого русского народа» (Измайлов, 1996, с. 99). «В результате монголо-татарского ига Русь была отброшена в своем развитии на два века назад», – единогласно утверждали практически все школьные и вузовские учебники. Однако даже в условиях тоталитарного режима советской системы время от времени появлялись крупные исследования, не потерявшие своего значения и в наши дни (например, труды М.Г.Сафаргалиева, Г.А.Федорова-Давыдова, М.А.Усманова, А.Г.Мухамадиева).

Начавшаяся с середины 80-х годов прошлого столетия перестройка, сопровождавшаяся внедрением в постсоветское общество элементов гласности и демократии, открыла принципиально новый этап в историографии Улуса Джучи. Возобновление интереса к изучению различных аспектов истории Золотой Орды объяснялось не столько значительным расширением источниковой базы по ряду нерешенных проблем (что, конечно, тоже являлось немаловажным фактором), сколько новыми методологическими и методическими подходами к их исследованию, откры-

вающими широкие возможности для творческой мысли ученых в поисках истины. В последние два десятилетия проводились крупные международные и всероссийские конференции по золотоордынской тематике, появились десятки монографий и сотни статей по истории, археологии и нумизматике Улуса Джучи. В своих исследованиях ученые стали оперировать такими запретными ранее историческими терминами, как «тюрко-татарская цивилизация», «золотоордынская цивилизация», объективно отражающие суть феномена средневековой монголо-татарской государственности.

Рецензируемая монография принадлежит перу Юрия Анатольевича Зеленева, известного российского ученого, автора более 200 научных трудов, в том числе монографий и учебных пособий по золотоордынской археологии, под руководством которого в последние годы проводились масштабные исследования многих средневековых памятников в Республиках Марий Эл, Мордовия, Чувашия, Татарстан, в Рязанской, Нижегородской, Ульяновской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Волгоградской и Астраханской областях. Особое значение имеют полевые работы исследователя по изучению столиц Золотой Орды в Нижнем Поволжье. Большой фактический материал, добытый этими раскопками, лег в основу новой книги Ю.А.Зеленева, рассматривающего широкий спектр проблем материальной культуры золотоордынского времени и средневековой истории народов Поволжья. В центре внимания автора – глобальные изменения в этнополитической карте обширных регионов, в первую очередь – Среднего и Нижнего Поволжья XIII-XV вв., вошедших в состав и орбиту непосредственного влияния Улуса Джучи.

По своей структуре, содержанию и оформлению данная книга представляет собой логически цельное произведение: она состоит, кроме введения, заключения и приложения в виде цветных иллюстраций, из четырех глав, в которых материальная культура городского и сельского населения рассматривается с точки зрения этнополитических процессов, происходивших в условиях новой реальности, связанной с появлением и функционированием Золотой Орды. Империя Чингизидов объединяла в пределах исследуемого региона многочисленные народы: мусульманское население Волжской Булгарии с богатыми городами – высокоразвитыми экономическими и культурными центрами; финно-угорские языческие племена, хозяйственная жизнь которых была основана на примитивном земледелии и промыслах; кочевых скотоводов Дешт-и-Кыпчака, а также «островки» православных русских, в той или

иной степени участвовавших в сложных процессах формирования «синкретической имперской культуры» и нового «этнического лица» монголо-татарского государства.

В первой главе дается анализ привлекаемых в исследовании исторических источников, включающих материалы археологических, антропологических и нумизматических исследований, данные эпиграфики, картографии, сведения русских летописей, арабских, персидских и западноевропейских авторов (с. 7-28), а также обзор историографии по теме (с. 29-50). Археологическая часть параграфа об источниках – это история изучения золотоордынских памятников Поволжья, изложенная достаточно подробно и в рамках исследуемой темы. Целостная историография Золотой Орды, включающая труды отечественных и зарубежных исследователей начиная с XVIII в. и до сегодняшних дней, к сожалению, еще не написана. Ю.А.Зеленев анализирует лишь труды, относящиеся к интересующей его теме. Нельзя не согласиться с автором в высокой оценке трудов А.П.Смирнова и его ученика Г.А.Федорова-Давыдова, в которых освещена этнополитическая ситуация региона в домонгольское и золотоордынское время. Он подчеркивает, что «с конца XX – начала XXI вв. центр исследований Золотой Орды все более смещается в Казань» (с. 45), где Институт истории им.Ш.Марджани АН РТ выступает научным учреждением, координирующим работу российских ученых в области изучения золотоордынской истории, археологии и нумизматики. Это доказывается регулярно (раз в два года) проводимыми всероссийскими и международными научными конференциями, изданием серийных сборников «Золотоордынская цивилизация» (всего 5 выпусков), «Золотоордынское наследие» (2 выпуска), «Золотоордынская нумизматика» (2 выпуска), «Средневековые тюрко-татарские государства» (3 выпуска). В заключении главы обозначены дискуссионные или ранее не затрагиваемые учеными проблемы, часть которых взялся исследовать автор рецензируемого труда.

Глава 2 монографии посвящена этнокультурной характеристике золотоордынского города (с. 51-128). Учитывая, что в XIII-XV вв. в государстве Джучидов происходили, помимо принципиально новых процессов, вызванных кардинальными изменениями после монгольских завоеваний, процессы «инерционные, т.е. начавшиеся еще в домонгольский период и продолжившиеся в изменившихся условиях», автор вполне логично предлагает читателю анализ поволжских городов XII – первой трети XIII вв.

Важно подчеркнуть, что до недавнего времени основные земли Улуса Джучи на Нижней Волге – территория Дешти-Кыпчака – представлялись как почти не освоенные оседлым населением. Разведочные и раскопные исследования последних лет, в том числе работы казанских археологов, показали ошибочность данного утверждения. Домонгольские материалы, доказывающие оседлость части населения, обнаружены, например, на территории Астрахани, Волгограда и в ряде других пунктов, но ярким примером является Самосдельское городище в Астраханской области, значительную часть населения которого, судя по находкам из слоев IX – начала XIII вв., составляли булгары. По справедливому мнению Ю.А.Зеленева, «уникальность Самосдельского городища состоит в том, что этот памятник демонстрирует непрерывность существования городской культуры с VIII по XIV вв.» (с. 53). В этом же разделе рассматриваются города Волжской Булгарии с их сельскохозяйственными округами, часть которых продолжала существовать и в золотоордынское время.

Далее рассматриваются градостроительные традиции и принципы формирования планировки золотоордынского города. В оседлых земледельческих районах Среднего Поволжья автор выделяет два типа городов: старые домонгольские (Болгар, Биляр, Джукетау и др.) и новые, созданные в соответствии с монгольскими градостроительными традициями (г.Мохша в мордовских землях). Нижневолжские города возникают преимущественно на пустом месте по традициям, восходящим к центральноазиатской культуре древних уйгуров, киданей, монголов (ср., например, первую столицу монголов Каракорум и столичные города Золотой Орды Сарай и Сарай ал-Джадид). Таким образом, «градообразовательные традиции в Нижнем Поволжье имеют монгольские корни» (с. 61, 79). Данный тезис пока особых возражений не вызывает, но дальнейшие исследования археологов могут внести в него существенные коррективы.

Архитектурные традиции и особенности материальной культуры золотоордынских городов выявлены путем анализа рядовых жилищ типа землянок, домов-усадеб зажиточной части населения, общественных бань, культовых (мечети, медресе) и мемориальных сооружений (мавзолеев). Согласно хорошо аргументированному мнению Ю.А.Зеленева, своеобразие архитектуры этих памятников было обусловлено не только природно-географическими условиями региона, но и заимствованиями, исходящими из различных областей Средней Азии (в частности, Хорезма), Северного Кавказа, стран Ближнего Вос-

тока (с. 88, 91, 95 и сл.). Любопытно, что по антропологическим данным, «значительный процент населения Селитренного городища (г.Сарая. – Ф.Х.) составляли выходцы из Средней Азии, что, очевидно, предопределило преобладание среднеазиатских строительных традиций в архитектуре этого города» (с. 101). Данное заключение автор подкрепляет и анализом предметов материальной культуры, демонстрирующих влияние выходцев из Закавказья, Ирана, Средней Азии, Византии и других регионов на развитие ряда ремесленных производств.

Заслуживают внимания выводы заключительной части главы, где Ю.А.Зеленев выделяет региональные особенности золотоордынских городов Поволжья и определяет этнический состав их населения. Как свидетельствуют приведенные автором источники, «золотоордынские города возникают и развиваются вначале как полиэтнические образования» (с. 120). Социальную верхушку населения составляли монголы, почти полностью утратившие к середине XIV в. свои этнокультурные черты. Значительная часть кыпчаков также превратилась в городских жителей. Среди горожан можно было встретить выходцев из стран Востока. Существенен вклад в развитие Золотой Орды мусульманизированного населения Волжской Булгарии, тогда как влияние на ее культуру русских и финских народов Среднего Поволжья не столь ощутимо. Принципиально важным является вывод исследователя о формировании в 20-х годах XIV в. золотоордынского общества с оседлой культурой, «с преобладанием в ней элементов культуры местного поволжского домонгольского населения» (с. 127).

Глава 3 «Этнокультурные особенности кочевого населения золотоордынского Поволжья» посвящена судьбе тюркоязычных кочевников, которые начали проникать в степи Восточной Европы еще в середине I тыс. н.э., если не раньше. Это гунны и их потомки, печенеги, огузы / торки, кыпчаки / половцы. Последние были основным населением степных районов Восточной Европы накануне монгольских завоеваний. Автор опровергает абсурдную точку зрения о полном истреблении кыпчаков монгольскими завоевателями и присоединяется к мнению Г.А.Федорова-Давыдова об уничтожении лишь части аристократической верхушки. Подробный анализ погребальной обрядности степных кочевников позволил ему проследить процесс распространения среди них ислама, принявшего интенсивный характер при правлении хана Узбека (с. 134).

Далее Ю.А.Зеленева исследует взаимоотношения кочевого и оседлого населения золотоордынского Поволжья и прослеживает процесс седентаризации кочевников, т.е. перехода их к оседлому образу жизни. Отметив спорность утверждения, что городская культура мало или вообще не связана со степной кочевнической, ученый приводит ряд доказательств существования товарообмена между городом и степью, проникновения элементов кочевой культуры в городскую. Убедительным звучит утверждение Зеленева о превращении искусства кочевой степи «в одно из слагаемых своеобразной синкретической городской культуры» (с. 147). Что касается проблем седентаризации, то автор прямо говорит о небольшом информационном потенциале источников и полагает, что переход кочевников к оседлому образу жизни происходил, вероятно, при обязательном их участии в строительстве городов, охране караван-сарая, обслуживании почтовых станций (ям) и т.д. Показательно, что даже будучи горожанами, они предпочитали жить в юртах, которые придавали городу привычный степной облик (с. 165).

Глава 4 «Этнокультурная история оседлого населения Поволжья в XIII–XV вв.» начинается с анализа этнополитической ситуации средневожского региона в предмонгольское время. Данный раздел читается с интересом и оставляет в целом хорошее впечатление, в то же время приходится констатировать, что он излишне объемный (с. 168–200) и насыщен сведениями, не имеющими прямого отношения к основной проблематике монографии. Следующие разделы главы, посвященные оседлому населению Нижнего Поволжья, волжским булгарам, мордве и другим народам лесостепного Поволжья XIII–XIV вв., отличаются обилием оригинальных сведений, основанных на материалах археологических раскопок городских и сельских поселений, могильников, а также письменных документов. По наблюдениям Ю.А.Зеленева, по мере удаления от городских центров в низовье Волги, этнокультурная окраска негородских поселений меняется: «среднеазиатский, кавказский и иранский компоненты уступают место финно-угорскому, болгарскому и русскому; при этом отчетливо просматривается единый пласт материальной культуры, общей для всего населения Золотой Орды» (с. 219). Чрезвычайно интересны русские поселения с прилегающими к ним православными могильниками XIV–XV вв., раскопанные в Саратовском Поволжье. Однако причины появления их в ино-

этнической среде остались невыясненными. Не вполне согласуется положительная оценка автором инноваций в социальной сфере и экономике Волжской Булгарии после монгольских походов со статистикой потерь: «общее количество археологических памятников на территории Волжской Булгарии золотоордынского времени в три раза меньше по сравнению с предыдущим периодом» (с. 223). Заключение Ю.А.Зеленева о том, что Булгарский улус сохранил свою специфику и его города стали «наследниками» домонгольских традиций (с. 233), основано на солидной базе археологических источников. По его мнению, именно этнокультурная основа старого политического центра Среднего Поволжья способствовала в дальнейшем его обособлению и оформлению здесь нового государства (с. 237).

Ю.А.Зеленева не видит катастрофических последствий монгольских завоеваний в этнокультурных процессах у мордвы – в период могущества Золотой Орды наблюдается демографический взрыв, в результате которого осваиваются новые земли в Среднем и Нижнем Поволжье (с. 244). Однако представляется, что переселение части мордвы в пределы бывшей Волжской Булгарии и на другие территории могло иметь и другие причины, совсем не связанные с увеличением численности населения. Интересны сведения о погребениях, совершенных по мусульманскому обряду, на мордовских Старосотенском и Аткарском могильниках (с. 254), хотя в целом «утверждение в Золотой Орде ислама не стало причиной насильственной исламизации финно-угорских народов» (с. 269). Судя по материалам автора монографии, древние марийцы, чуваша и удмурты, входившие в сферу влияния волжских булгар, испытывали одновременно осязаемое влияние славяно-русского населения, активно продвигающегося в юго-восточном направлении.

Монография Ю.А.Зеленева является весомым вкладом в изучение актуальных проблем, связанных с формированием этнических основ современных народов Поволжья и ролью в этих процессах государства Джучидов. В ней анализированы и обобщены на должном профессиональном уровне известные науке материалы по указанной теме. Имеются спорные положения, некоторые из них высказаны в порядке постановки вопроса и требуют более углубленных исследований с привлечением новых источников. Надеемся, что эти вопросы привлекут внимание и других исследователей.

Ю.А.ЗЕЛЕНЕЕВНЫҢ «ОЧЕРКИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИСТОРИИ ПОВОЛЖЬЯ XIII-XV ВВ.» МОНОГРАФИЯСЕНӘ БӘЯЛӘМӘ

Фаяз Шәрип улы Хужин,
Татарстан Республикасы Фәннәр академиясе,
Россия, 420111, Казан, Кремль, 5 подъезд,
khuzinfayaz@mail.ru

Россиянең танылган археологы Ю.А.Зеленеев монографиясендә Идел буенда утрак (шәһәр һәм авыл) һәм күчмә тормыш алып барган халыкларның матди мәдәнияте Алтын Урданың барлыкка килүе һәм яшәшенә бәйлә яңа тормыш шартларында барган этносәяси процесслар күзлегеннән карала. Монография авторы фикеренчә, татар-монгол дәүләтенең «синкретик империя мәдәнияте» һәм яңа «этник йөзә» формалашуда бай шәһәрләре – югары дәрәжәдә үсеш алган икътисади һәм мәдәни үзәкләре булган Идел буе болгарлары, хужалык тормышы түбән дәрәжәдәге жир эшкәртү һәм кәсепчелеккә нигезләнган угро-фин кабиләләре, Дәште Кыпчакның күчмә терлекчеләре, шулай ук яшәеш эзләре Алтын Урданың барлык шәһәрләрендә табылган православ русларның бер өлеше актив катнашкан.

Бәяләмә авторы Ю.А.Зеленеевның Алтын Урда археологиясе өлкәсендәге тикшеренүләренә югары бәя бирә һәм әлеге монографиянең хәзер Идел буенда яшәүче халыкларның этник нигезе формалашуга һәм әлеге процесста Жүчи дәүләтенең роленә бәйлә актуаль мәсьәләләргә өйрәнүгә зур өлеш кертүен ассызыклай.

Төп төшенчәләр: Алтын Урда, Түбән Идел буе шәһәрләре һәм күчмә дала, Урта Идел буе утрак халкы, мәдәниятләрнең үзара тәэсире, этномәдәни процесслар.